

Ученики Пика Малой Лазурной Волны не блистали успехами в полетах: до сих пор искусством управления мечом овладели лишь старейшина Даочжэнь да Чэн Ланьюэ. Поскольку старшего ученика рядом не оказалось, Даочжэнь достал из-за пазухи магический талисман и, приложив его к губам, легонько дунул. В то же мгновение бумага обратилась в трех белоснежных журавлей.

Старейшина первым вскочил на спину птицы, за ним грациозно последовал Фэн Юэ. Мо Ханьчи же замер в изумлении, не веря собственным глазам. Даже усевшись верхом, он никак не мог унять любопытства — то и дело принимался ощупывать перья и похлопывать птицу по бокам, чем изрядно досадил благородному созданию. Журавль недовольно заклокотал, явно порываясь сбросить назойливого седока.

Море облаков расстилалось под ними, безбрежное и величественное. Из белой ваты тумана порой проглядывали заснеженные пики, над которыми, казалось, парили другие вершины, поросшие изумрудной зеленью. Мимо проносились диковинные птицы; иногда из-за облачных круч выныривали пятицветные луани, сверкая радужным оперением, и исчезали в неведомых далях. Легкий ветерок приятно охлаждал лицо, и Мо Ханьчи охватило чувство небывалого покоя.

Фэн Юэ летел рядом, бережно держа в руках семиструнную цитру. Мелодия, рождавшаяся под его пальцами, то затихала в отдалении, то вновь врывалась в сознание, подхваченная порывами ветра. Ханьчи не удержался и начал тихонько подпевать. Ему стало тесно на спине журавля; он, пошатываясь, выпрямился в полный рост и заметил впереди фигуру в бело-голубых одеждах. Путник мчался им навстречу верхом на огромном мече, оставляя за собой длинный лазурный след.

Приглядевшись, Ханьчи узнал старшего брата — Чэн Ланьюэ.

— Учитель! — в восторге закричал Мо Ханьчи, едва не соскользнув с журавля. — Когда и я смогу обучиться искусству управления мечом?

— Пройдешь испытание в Башне Магических Сокровищ, обретишь свой артефакт, и тогда сможешь постичь одно из семи великих учений Куньлуня. Среди них есть и искусство меча, и призыв бессмертных духов, — ответил Даочжэнь.

— Значит, уже совсем скоро! — Ханьчи просиял. — Я выберу себе самый могучий меч.

— На самом деле это сокровище выбирает хозяина, — заметил Фэн Юэ, задумчиво подперев подбородок одной рукой, а другую положив на струны.

Старейшина Даочжэнь лишь промолчал. Чэн Ланьюэ тем временем приблизился. Ханьчи впервые видел его меч так близко: лезвие было массивным, едва ли не на полголовы выше самого владельца.

— Учитель, по велению матушки я прибыл встретить вас и младших братьев. Она сегодня

приготовила для всех множество изысканных яств!

Хотя бессмертные могли годами обходиться без пищи, перед домашним обедом не мог устоять никто.

— Ну что ж, дети мои, поспешим, — Даочжэнь улыбнулся. — Посмотрим, не растеряла ли ваша матушка свое мастерство.

Журавли, согласно курлыча, прибавили ходу и устремились к Пику Малой Лазурной Волны.

Еще не переступив порог, они ощутили манящие ароматы, доносившиеся из дома. Войдя в главный зал, наставник и трое учеников увидели нежданную гостью — старейшину Хэньюнь. Рядом с ней стояла её юная ученица, Су Цзии.

Хэньюнь была самой старшей по выслуге лет среди шести старейшин Куньлуня и единственной женщиной в их кругу. В свое время она вместе с ныне пребывающим в затворничестве истинным человеком Хэнтаем обучалась у самого Почтенного Тяньюаня. Разница в их вступлении в орден составляла триста лет: когда Хэнтай, учитель Даочжэня, пришел в Куньлунь, Почтенный Тяньюань еще был главой ордена. Когда же порог обители переступила Хэньюнь, великий предок уже обрел тело Золотого Бессмертного.

В иерархии Куньлуня родственные связи порой причудливо переплетались: Даочжэнь должен был звать Хэньюнь тетушкой-наставницей, а Мо Ханьчи — и вовсе великой пранаставницей. Впрочем, здесь чаще обходились просто уважительным «старейшина». Что же до Су Цзии, то она вошла в орден три года назад вместе с Ханьчи и Ло Си, оказавшись одной из немногих девушек с выдающимися способностями. По возрасту Су Цзии была Ханьчи старшим товарищем, но по рангу — наставницей-шишу.

За три года Су Цзии расцвела, став настоящей красавицей. В своих белоснежных одеждах она казалась небожительницей, сошедшей с небес.

— Приветствую сестрицу-наставницу, — весело отозвался Мо Ханьчи, заставив девушку прыснуть в кулак.

— Почтение старейшине Хэньюнь, — произнес Чэн Ланьюэ, после чего принялся озираться по сторонам. Не найдя того, кого искал, он разочарованно опустил голову.

— Кого это ты высматриваешь, Ланьюэ? — с лукавой усмешкой спросила матушка.

Снаружи слышались легкие, быстрые шаги и нежный перезвон колокольчиков. В зал вошла девушка в бело-зеленом платье. Каждое её движение было исполнено грации, тонкие ткани

летели за ней следом, а длинные черные волосы мягко колыхались. На голове красовался изящный лунный пучок, заколотый яшмовой шпилькой, а на поясе мерцали два коротких меча.

Завидев Чэн Ланьюэ, она смущенно отвела взгляд. Тот и вовсе потерял дар речи, лишь густо покраснел.

— Цзысю...

— Старшая сестра, позволь мне, — Су Цзии перехватила у неё блюдо и поставила в центр стола.

Старейшина Даочжэнь, глядя на них, лишь понимающе улыбнулся. Вскоре стол был уставлен кушаньями, и все заняли свои места.

Чэн Ланьюэ и Цзысю оказались рядом. Хэньюнь, окинув их взглядом, негромко произнесла:

— Путь самосовершенствования долог и труден, и если найдется тот, кто разделит это бремя, одиночество отступит. Брат Даочжэнь, я вижу, что между детьми есть чувство. Быть может, стоит пойти им навстречу?

Ханьчи во все глаза уставился на учителя. Ему было чертовски любопытно, когда эти двое успели сойтись.

— Наш пик и так не балует многолюдством, — ответил Даочжэнь. — Если Цзысю не побрезгует моим непутёвым учеником, я буду только рад. Но сейчас темные силы поднимают голову. Чэн Ланьюэ и Фэн Юэ вскоре отправятся со мной в путь. Обещаю, когда вернемся, я самолично приведу этого сорванца на Пик Закатного Сияния просить руки.

— Вот и славно.

— Неужели бессмертным можно жениться? — шепотом спросил Ханьчи у Фэн Юэ.

— Ешь давай, — отрезал второй брат.

— Значит, когда я вырасту, я тоже смогу взять в жены сестрицу Су Цзии? — продолжил допытываться Ханьчи, но на этот раз его услышали все. Су Цзии поперхнулась рисом.

— Кто ж за тебя, дурня, пойдет? — фыркнула она. — Если и выходить, то за кого-то вроде первого ученика, Хань Цзинцина.

Ханьчи ничуть не обиделся. О великом Хань Цзинцине он слышал лишь легенды: мол, силен

невероятно, но вживую его никто не видел.

Внезапно Ханьчи ощутил, как плечу стало горячо. Он подскочил: Фэн Юэ выронил чашу с кипятком. Фарфор разлетелся вдребезги, а рука брата мгновенно покраснела, но тот словно и не заметил боли.

Старейшина Хэнъюнь бросила на Су Цзии укоризненный взгляд, но та, казалось, даже не поняла своей оплошности. Ханьчи лишь смутно догадывался, что разрушение золотого ядра Фэн Юэ как-то связано с Хань Цзинцином, иначе как объяснить такую реакцию на одно лишь имя?

— Старая рана дала о себе знать, рука не удержала чашу, — спокойно пояснил Фэн Юэ. Легким жестом он заставил осколки взмыть в воздух и перелететь в корзину. — Вы упомянули Хань Цзинцина. Не он ли ныне правит Небесной Столицей?

— Он самый, — ответила Су Цзии и, сообразив, что сболтнула лишнего, поспешно уткнулась в тарелку.

Фэн Юэ лишь тихо добавил:

— Я уже и не помню, когда открывал для него Небесное Око.

Сказав это, он склонился над столом и принялся молча есть.

К хорошей закуске полагалось и вино. Чэн Ланьюэ, воодушевленный разговором, прилично выпил и, набравшись смелости, под столом крепко сжал руку Цзысю.

Глядя на это шумное застолье, Ханьчи вдруг ощутил щемящую тоску. Как давно он не писал домой? Он вдруг отчаянно заскучал по отцу с матерью и по своему первому наставнику с горы Мао. Если в Башне Магических Сокровищ ему повезет и он выучится летать на мече, он непременно отправится домой.

— Учитель, если я постигну искусство управления мечом, позволит ли мне устав навестить родителей?

— Разумеется, — добродушно отозвался Даочжэнь. — Всем вам будет дозволено навестить родные края.

Мо Ханьчи отправил в рот кусок мяса и вдруг вспомнил:

— Но ведь Ло Си некуда возвращаться.

— Вы братья по ордену, и узы ваши крепче кровных. Как думаешь, что стоит сделать?

— Пусть моя матушка обретет еще одного сына!

Пока они шумно обсуждали это, в зал влетела маленькая иволга, державшая в клюве свиток с печатью главы ордена. Стоило Даочжэню забрать послание, как птица обратилась в облачко лазоревого дыма и растаяла.

Наставник серьезно посмотрел на Ханьчи:

— Ответь мне теперь, ты обдумал, зачем встал на путь Дао?

— А кто в Куньлуне самый сильный? — вопросом на вопрос ответил Ханьчи.

— Тот, кто пребывает на самом верху Обители Бессмертных Духов. Великий святой Тай-и.

Ханьчи нахмурился — это имя он слышал впервые.

Старейшина Хэньюнь заговорила, и голос её звучал торжественно:

— Последний раз святой Тай-и покидал затворничество семьсот лет назад. Тогда Дева Небесного Мандата выбрала тьму, и в мире явился Повелитель Демонов, обретший мощь девяти небес. Праведные ордена захлебнулись в крови, даже владыка столицы оборотней не избежал гибели. Демоны дошли до самых врат Куньлуня. И в час, когда орден был на краю гибели, святой Тай-и отринул свою плоть. Он обратил саму божественную жилу Куньлуня в карающий клинок, который взял в руки Сюаньюань Хуан. Только так удалось сокрушить Демонического Почтенного и вернуть в поднебесную мир.

— А что было потом? — Ханьчи машинально запихнул в рот кусок перца и тут же покраснел от остроты. Су Цзии прыснула.

— А потом, — вздохнул Даочжэнь, — святой Тай-и уже не мог отделить свою суть от жил Куньлуня. Его тело погибло, судьба Девы Небесного Мандата была предрешена, а Сюаньюань Хуан, израненный и истощенный, почувствовал близость своего конца. Он унес божественный меч в недра Куньлуня. С тех пор никто не знает, как выглядит четвертый ярус Обители Бессмертных Духов.

Наставник обвел взглядом учеников:

— У святого Тай-и был лишь один ученик — Сюаньюань Хуан. У того, в свою очередь, тоже был лишь один последователь — ныне здравствующий Почтенный Тяньюань, учитель старейшины Хэньюнь и мой пренаставник. За тысячу лет никто из тысяч адептов не смог превзойти Тай-и.

За десять лет он взрастил золотое ядро, за сто — прошел сквозь чертоги ада и сразил главу призрачного культа, а к тремстам годам вознесся, став бессмертным.

— Тогда я тоже стану таким, как он! — Ханьчи решительно стукнул кулаком по столу. — Я стану самым могучим богом в Куньлуне!

— Младший брат, ты для начала хотя бы Ло Си догони, — не удержался от шпильки захмелевший Чэн Ланьюэ.

Даочжэнь развернул свиток.

— Мо Ханьчи, пришел указ главы ордена. Через три дня откроются врата Башни Магических Сокровищ. Я буду ждать того дня, когда ты станешь величайшим среди нас, чтобы нести благодать миру и хранить покой четырех морей.

<http://bllate.org/book/17550/1709244>